

Хуань Линь встал и направился в боковой зал, взял холодную руку того человека и другой рукой начал обводить его черты лица.

В ту ночь Хуань Линь рано лёг спать, но снова не смог заснуть. Вместо этого в его снах постоянно появлялся Сыма Янь, с кровью, текущей из всех семи отверстий, мрачно говоря:

— Хуань Линь, ты пожалеешь об этом.

— Ачжань так тебя любил.

На следующее утро Хуань Линь выглядел очень бледным. Голос Сыма Яня продолжал звучать в его голове, и в конце концов в его сердце начало зарождаться странное чувство ожидания.

После утреннего совета Хуань Линь отправился в бывший дом Се Чжана. Усадьба была большой, каждая часть была построена с большой тщательностью, но из-за долгого запустения она покрылась пылью и паутиной.

Хуань Линь никогда раньше не был здесь, но, казалось, знал, где находится спальня Се Чжана, и быстро нашёл тот двор. Убранство двора соответствовало его вкусам.

Хуань Линь сразу направился в его кабинет. Интерьер был простым и элегантным, и хотя всё было покрыто пылью, можно было увидеть предпочтения хозяина.

Он стоял у двери, словно видя, как Се Чжань сидит за столом, зажигает свечи и что-то пишет.

Хуань Линь подошёл, но ничего не было, только пустота и холод, не осталось и следа человеческого присутствия.

Он сел на стул, открыл ближайший ящик и увидел, что он полон пожелтевших листов бумаги.

Хуань Линь взял один из них, почерк был Се Чжана, и, когда он увидел содержание, его взгляд словно приклеился к бумаге, и он больше не мог оторваться.

Выйдя из старого дома Се Чжана, Хуань Линь был в смятении. Это были черновики писем, некоторые порванные на куски, другие смятые, чернила на многих уже расплылись, но при внимательном рассмотрении можно было увидеть одинаковое начало — «Хуань Линю».

Это был почерк Се Чжана, письма, написанные ему, но по какой-то причине оставшиеся незавершёнными и выброшенные в ящик. При более внимательном рассмотрении различия между письмами были только в формулировках, как будто он писал одно письмо бесчисленное количество раз, пока не получил окончательный вариант, а остальные выбросил в ящик.

Большинство листов уже пожелтели, но не все одинаково, некоторые были темнее, другие светлее, а некоторые оставались белыми. Весь ящик был заполнен черновиками за несколько лет.

Он почти мог представить, как Се Чжань сидит за столом, пишет эти письма, хмурится, смотрит на них, а потом сминает и выбрасывает в ящик, снова и снова переписывая одно и то же письмо.

На фронте Хуань Линь каждый месяц получал письма от Се Чжана, но никогда их не открывал. Как только он открывал их, перед глазами вставала картина того, как Се Чжань был связан с Сыма Янем, и это превращалось в невыразимую боль.

Но, глядя на эти письма, Хуань Линь не мог не подумать: если Се Чжань не любил его, зачем он писал ему письма, снова и снова, но если любил, зачем он был с императором Юаньси?

Он словно попал в замкнутый круг сомнений, из которого не мог выбраться.

Хуань Линь забрал все черновики писем во дворец и весь день провёл в Чертоге Тайцзи, читая эти обрывки снова и снова, словно заколдованный, не в силах остановиться.

Письма Се Чжаня были полны мелочей, как и в первые годы.

Сегодня он получил новую мелодию для гуциня, завтра на грушевом дереве созрели плоды, послезавтра он выиграл партию в шахматы, через день нарисовал картину — все эти мелочи он описывал с невероятной тщательностью.

Взгляд Хуань Линя был прикован к этим письмам, и он не мог оторваться.

В его голове непроизвольно возникал образ того человека: он играл на гуцине, стоял под грушевым деревом в белой одежде, улыбался после победы в шахматах, осторожно рисовал картину — всё это отпечаталось в его памяти.

Хуань Линь подошёл к кровати, открыл ящик, где раньше лежали нераспечатанные письма, но теперь там была только пустота и пепел.

Он смотрел на это какое-то время, затем подошёл к столу, взял пожелтевшие письма и направился в боковой зал.

Тот человек всё ещё лежал там, спокойно, не двигаясь. Хуань Линь подошёл, взял его руку и положил письма перед ним:

— Что это за письма? Ты привык писать мне или потому что...

Он не мог закончить фразу. Он не должен был питать такие надежды, это делало его таким низким, таким жалким.

Хуань Линь больше не спрашивал, а лёг рядом с ледяным ложем.

Когда наступила ночь, он снова приказал мастеру Хуаньцину вызвать дух, но снова все свечи погасли, и результата не было. Человек мёртв, как погасшая свеча, он, возможно, действительно ушёл.

Мастер Хуаньцин смотрел на него, словно хотел что-то сказать. После того как Хуань Линь ушёл, одна из свечей внезапно зажглась. Мастер Хуаньцин нахмурился, глядя на свечу, место, где она зажглась, казалось странным.

Ночью Хуань Линь видел множество беспорядочных снов.

Он видел своего отца. С тех пор как его отец умер пять лет назад, он мог вспомнить его лицо только по картине, висевшей в кабинете. В памяти Хуань Линя его отец был холодным и суровым человеком, требовательным к нему. Его мать умерла рано, а в детстве он был озорным, поэтому часто получал наказания и побои от отца. Тем не менее он был человеком, которого Хуань Линь уважал больше всего.

Семья Хуань пришла в упадок, и их презирали другие знатные семьи. Желание его отца было поднять семью Хуань среди знати. Хуань Линь с детства впитывал это и мечтал о военных

подвигах. Отец и сын были едины, и времена на фронте были счастливыми.

Во сне, на склоне горы, его отец и учитель, обучавший его с детства, стояли вместе, глядя в одну точку.

Там один юноша крепко обнимал другого, словно хотел быть с ним каждый день. Через некоторое время юноша неохотно ушёл, но, пробежав половину пути, вернулся и украдкой поцеловал другого юношу в щеку, с радостной улыбкой на лице.

— Инь Чжо, как ты думаешь? — спросил военный у литератора рядом.

— Юношеский пыл, это не продлится долго, — ответил литератор, поглаживая бороду.

— Увлечения отвлекают от цели, — лицо мужчины нахмурилось, и он долго не мог успокоиться.

— Генерал, можете дать небольшой совет.

Совет старого генерала, конечно, заключался в том, чтобы выпороть юношу. В то время юноша был молод и не боялся наказаний, и, как только раны зажили, он снова побежал к другому юноше.

Всё это видели двое, и лицо старого генерала становилось всё мрачнее. Однажды он не выдержал и сказал литератору:

— Инь Чжо, Линь — самый талантливый из всех моих сыновей, и в будущем на нём будет лежать ответственность за семью Хуань. Сын семьи Хуань не может быть связан с мужчиной, это вызовет насмешки среди знати.

— Генерал, через несколько дней мы отправимся на север, юношеский пыл быстро угасает. На фронте все эти личные чувства исчезнут, — утешил литератор.

Но лицо старого генерала не прояснилось.

Хуань Линь проснулся. Сон был настолько ясным, словно это было реальностью. Он никогда не знал, что его отец так внимательно следил за его отношениями с Се Чжанем и так беспокоился. В то время он не думал об этом, считая, что их любовь будет длиться вечно.

Все эти неизвестные ему ранее факты вызывали в нём чувство беспокойства. Когда он поступил в армию, он не забыл о личных чувствах, как говорил его учитель, на фронте, в крови, он не забыл того человека. Его отец часто намекал на дочерей своих коллег или подчинённых, но Хуань Линь никогда не обращал на это внимания, говоря: «У меня уже есть любимый человек, и когда я вернусь с победой, я женюсь на нём».

Он помнил, как лицо его отца стало суровым, когда он сказал это. В тот раз его отец был в ярости и чуть не забил его до смерти, поэтому Хуань Линь запомнил это особенно хорошо. Его отец никогда не был так зол.

Хуань Линь всё больше думал об этом, но это был всего лишь сон. Его отец и учитель уже умерли, старые знакомые почти все ушли, и правду уже не узнать. Но если это было неправдой, почему это приснилось ему?